

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-98-103

## «А СКОЛЬКО НАС ТАКИХ?»: О СПОСОБАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ

© Александра Семенова

### “HOW MANY OF US ARE HERE?": ON WAYS OF SELF- IDENTIFICATION IN NADEZHDA MANDELSTAM'S MEMOIR PROSE

Aleksandra Semenova

On the one hand, the memoir heritage of Nadezhda Yakovlevna Mandelstam turns out to be a significant source for studying O. Mandelstam's literary heritage; on the other hand, it reveals unique linguistic examples that help identify the idiosyncrasy of the writer herself. It is interesting that N. Mandelstam was not only the wife of a prominent poet, but also an elitist linguistic personality; therefore, her texts are characterized by artistic storytelling, deep reflection and intent attention to details. These and other characteristics of the memoirist's text encourage a thorough study of her works, in particular the first book, "Memoirs," and the second, "The Second Book." The memoirs of N. Mandelstam are not only a story about the life of a person living in the twentieth century, but also an attempt to preserve the memory of the writer's contemporaries who, as well as she did, had to go through a series of severe trials. The article considers the methods of the author's self-identification, presented from a linguistic point of view, in N. Mandelstam's ego-documents. The specificity of Mandelstam's works allows us to highlight several features of "female" writing, salient for the memoirist.

*Keywords:* Nadezhda Mandelstam, memoirs, self-identification, "female" writing, ego-document

Мемуарное наследие Надежды Яковлевны Мандельштам, с одной стороны, безусловно оказывается значимым источником изучения литературного наследия О. Э. Мандельштама, но с другой – обнаруживает уникальные языковые примеры, которые способствуют выявлению идиостиля самой писательницы. Интересным становится и то, что Н. Я. Мандельштам была не только женой крупного поэта, но и элитарной языковой личностью, в связи с чем ее текстам присущи художественность повествования, глубокая рефлексия и пристальное внимание к деталям. Эти и другие характеристики текста мемуаристки подталкивают к тщательному изучению ее произведений, в частности первой книги – «Воспоминания», и второй – «Вторая книга». Воспоминания Н. Я. Мандельштам – это не только рассказ о жизни человека XX века, это попытка сохранить память о современниках писательницы, которым, как и ей, пришлось пройти череду жесточайших испытаний. В статье предпринята попытка рассмотреть с лингвистической точки зрения способы авторской самоидентификации, представленные в эго-документах Н. Я. Мандельштам. Специфика произведений позволяет также затронуть некоторые особенности «женского» письма, характерные для мемуаристики.

*Ключевые слова:* Надежда Мандельштам, мемуары, самоидентификация, «женское» письмо, эго-документ

*Для цитирования:* Семенова А. «А сколько нас таких?»: о способах самоидентификации в мемуарной прозе Надежды Мандельштам // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 98–103. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-98-103

Мемуарную прозу Н. Я. Мандельштам по праву можно назвать результатом труда многогранной личности. Ее воспоминания являются синтезом документальной фиксации реалий жизни представительницы опальной части советской интеллигенции; филолога, анализирующего мир

сквозь призму языка; человека, умеющего видеть смешное даже во время тяжелых испытаний; жены выдающегося поэта. Зафиксировать исследовательское внимание лишь на одной из этих составляющих, не затрагивая другие, представляется весьма затруднительным, однако вопрос о

способах самоидентификации писательницы кажется одним из наиболее значимых. Как известно, дневники и воспоминания (мемуары) развоятся исследователями как с литературоведческой, так и с лингвистической точки зрения. Кроме того, модели самоидентификационного и самопрезентационного дискурсов выстраиваются в них по-разному [1, с. 11]. В контексте данного исследования речь идет о способах самоидентификации, но стоит сразу отметить тесную взаимосвязь между обеими формами репрезентации автора в тексте. Мемуарная литература, создаваемая много позже описываемых событий, предполагает большее проявление самопрезентации автора, поскольку обязательно ориентирована на читателя, чего нельзя сказать о дневниковых записях, ведущихся в первую очередь для себя. Однако воспоминания Н. Я. Мандельштам, как представляется, с точки зрения жанровой принадлежности тяготеют более к дневникам, создаваемым «в период потрясений», о чем можно судить, например, по масштабу, трагичности и детализации описываемого [2, с. 16].

Так, важно отметить, что первая глава «Воспоминаний» (первая книга мемуаров Н. Я. Мандельштам) начинается не сухой автобиографической справкой, а повествованием об Осипе Мандельштаме, оказавшемся в центре литературного скандала: «...Дав пощечину Алексею Толстому, О. М. немедленно вернулся в Москву» [3, с. 79]. Первое предложение начато с многоточия, которое в данном случае может выполнять разные функции: указание на тот факт, что представленная часть текста является продолжением повествования о чем-то, не зафиксированном на бумаге; подчеркивание того, что читатель уже погружен в контекст описываемых событий; способ вовлечения читателя в «разгар» истории, не требующий усилий на приведение менее значимых для автора деталей и т. д. Этот же отрывок иллюстрирует важную особенность текстов Н. Я. Мандельштам – высокую степень концентрации на личности О. Э. Мандельштама и их союзе. Трепетное отношение к супругу регулярно выражается, например, в использовании «мы инклюзивного» как способе вербализации семейно-родственного типа идентичности [1, с. 27]:

«Мы были париями, неприкасаемыми социалистического общества» [3, с. 261]; «в нашей изоляции мы были отрезаны от всякой мысли» [Там же, с. 359] (здесь и далее разрядка наша. – А. С.).

Предложения подобной тональности характерны для Н. Я. Мандельштам. Исследователи отмечают, что многочисленные женские эго-документы конца XIX – начала XX в. выделяются тем, что их авторы концентрируют внимание на выдающихся членах своих семей (отцах, мужьях и других родственниках). В этом смысле тексты Н. Я. Мандельштам как будто бы продолжают традицию женской мемуаристики, сложившуюся в Российской империи к началу XX в. Предполагается, что подобная отсылка к мужской части семьи свидетельствует либо об отсутствии самоидентификации авторов эго-документов, либо об их заниженной самооценке в целом [4, с. 168]. Однако в контексте анализа мемуаров Мандельштам подобная интерпретация кажется неуместной: автор неоднократно подчеркивает, например, свою роль «спасительницы стихов». Такие высказывания встречаются в разных частях воспоминаний: «*не дать затоптать след, который оставил на земле этот человек, мое „ты“, спасти стихи*» [5, с. 33].

Таким образом, можно говорить о самоидентификации Н. Я. Мандельштам в качестве самостоятельной личности, равной мужу, наследницы его творчества, но не того автора, который выстраивает свою идентичность «через значимых других» [6, с. 35]. Стремление писательницы к обособлению своего авторского «Я», несомненно, отличает ее от мемуаристок более ранних периодов женской автобиографии в России, когда традиция идентификации себя предписывала женщинам-авторам «следовать» за авторитетом мужчины. В связи с этим интересным представляется и тот факт, что с точки зрения гендерных исследований языка идиостиль Н. Я. Мандельштам одновременно и «соответствует» традиционным представлениям о том, как пишут женщины, и отклоняется от них. С одной стороны, автор идентифицирует себя в качестве женщины, заботящейся о семье, оберегающей здоровье мужа, волнующейся о бытовом комфорте семьи, что соответствует традиционным представлениям о женских темах: «Скрыв от него свою температуру, <...> я умолила его пойти к психиатру» [3, с. 202]. С другой стороны, стиль Мандельштам демонстрирует так называемые «отклонения» от «женской» письменной речи, один из признаков которых присутствует, например, в следующем отрывке:

«Я зажарила яичницу <...> Все трое протянули ко мне руки и закричали: „Она наша мама!“, а О. М. тут же переименовал: „Она мама нас!“ Я рассердилась: „Старые, противные, почему я вам мама?“ – но ниче-

го не помогло, и я так и осталась „маманасом“...» [Там же, с. 308].

Мемуары Н. Я. Мандельштам наполнены повествованием о тяжелых годах жизни отдельных людей и общества в целом, однако текст при этом не лишен юмора, хотя порою и циничного. Эта особенность произведений писательницы также становится примечательной с точки зрения отклонения от традиций «женского» письма. Так, Е. В. Луганская считает, что женская ирония менее оскорбительна для адресата, в то время как мужская – часто переходит в негативную оценку [7, с. 260]. Однако трудно с уверенностью сказать, что становится причиной возникновения злой иронии в анализируемых текстах, поскольку, как представляется, ею в равной мере могли стать как индивидуальные свойства характера писательницы, так и тяжелейшие жизненные обстоятельства, в которых она оказалась. Рассуждая о собственной судьбе, автор регулярно подчеркивает свою принадлежность к тем женщинам, которые обладают большой стойкостью перед испытаниями, выпадающими на долю семьи:

«Я должна была беречь силы, чтобы пройти по всем путям, уже протоптанным другими женщинами» [3, с. 90].

Такой способ построения текста, в соответствии с предложенными М. А. Лаппо семантическими формулами социальной идентичности, можно отнести к «Формуле 3»: описание группы как бы со стороны, внешним наблюдателем [1, с. 14], которым в данном случае является сама Мандельштам. Другим примером идентификации себя в качестве члена притесняемой группы можно назвать отрывок, в котором наблюдается и действие «Формулы 3», и самоирония писательницы, и оппозиция «мы – они», противопоставляющая «народ» и притесняемую часть советской интеллигенции:

«Когда-то народ в России жалел „несчастеньких“ арестантов и каторжников, а интеллигенция считала долгом поддерживать политических ссыльных, но это исчезло <...> люди боялись нас: мы были не только нищими, но и замученными» [3, с. 393].

Характер повествования Н. Я. Мандельштам предполагает разделение «МЫ» на несколько смысловых планов. На общий план, как представляется, вынесены все, кто подвергся репрессиям. На крупный – сами супруги Мандельштам, их духовное и физическое единство, однако на этом же крупном плане присутствует и несколько

ко других значимых для писательницы людей. Так, например, подробно описывая дружеские отношения с А. А. Ахматовой, писательница подчеркивает свою включенность в мир литературной интеллигенции. Здесь же интересно и то, что зачастую Н. Я. Мандельштам включает такие отрывки в текст с долей комичности, реализованной при помощи нарочитой грубости и некоторой экспрессивности:

«Мне не захотелось переодеваться, <...>, и я послала за папиросами ее: „Сбегайте, Анна Андреевна, а я пока поставлю чай...“ Она навеки запомнила этот случай <...> не могла забыть, как ее послали за папиросами» [5, с. 239].

Характерной чертой мемуарного жанра становится разделение повествователя на «хроникера» и «свидетеля» [8, с. 14]. Н. Я. Мандельштам выступает по большей части в роли «хроникера», представляя читателю субъективную точку зрения на описываемое. Как известно, мемуары Н. Я. Мандельштам могли вовсе не стать доступными для широкого круга читателей, однако это смогло произойти, поэтому представляется возможным удостовериться в том, что писательница, создавая тексты, рассчитывала на большую читательскую аудиторию. В воспоминаниях она ведет постоянный диалог с читателем, регулярно рефлексировав над тем, что должно стать подобием личного опыта и для него:

«Как все каторжанки, стопятницы, пленницы, я думала только о времени, в котором жила, и вместе с себе подобными терзалась одним-единственным вопросом: как это могло случиться, как мы до этого дошли?..» [5, с. 29].

Подобные вопросы, поднимаемые Н. Я. Мандельштам перед собой и читателем, пронизывают текст, создавая атмосферу обреченности и напряженного размышления о причинах ее возникновения:

«А сколько нас таких? Не думайте, пожалуйста, что я исключение. Имя нам легион» [3, с. 214].

Такой способ конструирования авторского повествования прослеживается не только в активном использовании знаков вопроса или риторических вопросах, но и в регулярном использовании многоточий:

«Она молча исчезала на своей половине, но через секунду появлялась <...> с кружкой молока и остатками собственного обеда – оладьями, картошкой, капустой... <...> она приносила еще кусок мяса: „Ешьте – свое, не купленное...“ Наши женщины сво-

его труда никогда не считают, <...> это „свое“, денег не стоит, Богом данное...» [Там же, с. 428].

Н. Я. Мандельштам вводит многоточия в предложения с целью усиления ощущения беспомощности, обреченности; в качестве знака, маркирующего чувство грусти, сожаления, тоски. Похожие характеристики описывает, например, А. В. Леденев, анализируя специфику пунктуации В. В. Набокова. Говоря о многоточии, исследователь называет его знаком «запинки», используемом в ситуациях глубоких душевных волнений рассказчика, переживающего потерю близкого человека [9, с. 19]. В то же время такие примеры намеренного замедления читателя, привлечения его внимания к эмоционально сложным для писательницы отрывкам текста более характерны для Н. Я. Мандельштам, чем, например, конструкции с восклицанием. Как представляется, склонная к наиболее выдержанной манере повествования Н. Я. Мандельштам включает в текст экспрессивные элементы в первую очередь в том случае, если речь идет о несправедливости по отношению к тем людям, которые составляют «МЫ» для писательницы. Высокий уровень эмоциональности Н. Я. Мандельштам, проявляющийся при выражении субъективной точки зрения, характеризуется использованием восклицательных предложений, а также стилистически окрашенной лексики:

«Я в бешенстве выключила жалкую баллаболку: хорош гусь, <...> На каторгу, видите ли, ему не захотелось!..» [5, с. 30];

«он воспитан на рационалистическом хлебо́ве» [Там же, с. 35];

«подробно рассказывал, как идиотка Ольшеская учила его» [Там же, с. 124].

Субъективность и эмоциональность автора прослеживается и в том, как писательница конструирует комическое. Несмотря на то, что юмор не выступает тематической основой анализируемых текстов, произведения Н. Я. Мандельштам отличаются регулярным использованием языковой игры для выражения позиции автора-«хроникера»:

«В этой среде мужей называли супругами. Супругами — какой добродетельный звук! — а в ц е к и с т с к о й — «товарищами...» [3, с. 94].

Мемуаристка часто цитирует других (в частности, А. А. Ахматову). Такие отрывки свидетельствуют о широком использовании иронии, как было отмечено выше, а также позволяют говорить о регулярном возникновении языковой

игры или острословия, что характеризуется исследователями как одна из черт носителей элитарной речевой культуры, склонных к творческому отношению к слову [10, с. 25]:

«Не было опыта для распознавания старческого идиотизма, и Ахматова лишь через много лет придумала формулу: „м а р а з м а т и с т - з а т е й н и к“ — или, вздыхая, говорила про безумных стариков: „М а р а з м к р е п ч а л“ ...» [5, с. 58].

При этом интересным представляется то, как Мандельштам рефлексировал над концептом собственного «Я», что становится заметнее во «Второй книге», где речь идет по большей части о жизни писательницы после гибели О. Э. Мандельштама. Автор подчеркивает, что первая книга воспоминаний была написана иначе, «совершенно естественно», однако теперь писательница чувствует, как «Я» проступает в ней самой:

«Видно, ко мне начинает возвращаться мое „я“, раз я задумалась, есть ли у меня значение <...> Я снова возникла, когда завершилось мое основное дело» [Там же, с. 36].

Подобные части текста иллюстрируют важность предназначения и самореализации для самоидентификации Мандельштам в качестве писательницы и наследницы творчества поэта. Такая черта женского мемуарного текста говорит о значительном отличии самосознания автора середины XX в. от женщин, создававших эго-документы на заре женской автодокументальной прозы [11, с. 122].

Таким образом, тщательное рассмотрение автобиографической прозы Н. Я. Мандельштам позволяет судить о разнообразии способов самоидентификации писательницы. Проанализированные примеры демонстрируют как следование классическим моделям самоидентификации создательниц эго-документов, так и способы идентификации, указывающие на развитие женской мемуарной литературы XX в. В связи с этим, говоря о традициях мемуаристики, представляется невозможным не принять во внимание и гендерную специфику текстов писательницы, поскольку такие аспекты, как выбор центральных тем повествования, способы создания комического, ведение дискуссии с читателем, позволяют судить о неоднозначной характеристике текста с точки зрения существующих исследований. Однако это лишь способствует развитию исследовательского интереса и может служить стимулом для дальнейшей работы с автодокументальной литературой этого периода.

Список источников

1. Ланно М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 35 с.
2. Ромашикина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с.
3. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1: Воспоминания и другие произведения (1958–1967). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 864 с.
4. Синова И. В. Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 1. С. 164–210.
5. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 1008 с.
6. Савкина И. Л. Пишу себя. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
7. Луганская Е. В. Сравнительный анализ использования комического в мужской и женской оценке (на материале англоязычных писем в редакцию) / Е. В. Луганская // *Научный альманах*. 2017. № 4–2 (30). С. 259–262.
8. Богатырева Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2009. 18 с.
9. Леденев А. В. Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В. В. Набокова: от языкового к образному знаку // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2022. Т. 81. № 6. С. 16–25.
10. Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Саратов, 2005. 65 с.
11. Бурмистрова С. В. Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 11 (113). С. 119–124.

References

1. Lappo, M. A. (2018). *Samoidentifikatsionnyi diskurs russkoi elitarnoi yazykovoi lichnosti: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Self-Identification Discourse of the Russian Elitist Linguistic Personality: Doctoral Thesis Abstract]. Novosibirsk, 35 p. (In Russian)
2. Romashkina, M. V. (2016). *Dnevnik kak literaturnaya forma (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Diary as a Literary Form (S. Kierkegaard, M.

Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 25 p. (In Russian)

3. Mandel'shtam, N. Ya. (2014). *Sobranie sochinenii v 2-kh t. T. 1: Vospominaniya i drugie proizvedeniya (1958–1967)* [Collected Works in 2 Volumes. Vol. 1: Memoirs and Other Works (1958–1967)]. 864 p. Ekaterinburg, Gonzo. (In Russian)

4. Sinova, I. V. (2022). *Samoidentifikatsiya zhenshchin kontsa XIX - nachala XX v.: analiz ego-dokumentov* [Self-identification of Women at the End of the 19<sup>th</sup>—Beginning of the 20<sup>th</sup> Centuries: The Analysis of Ego Documents]. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. T. 6. No. 1, pp. 164–210. (In Russian)

5. Mandel'shtam, N. Ya. (2014). *Sobranie sochinenii v 2-kh t. T. 2: "Vtoraya kniga" i drugie proizvedeniya (1967–1979)* [Collected Works in 2 Volumes. T. 2: "The Second Book" and Other Works (1967–1979)]. 1008 p. Ekaterinburg, Gonzo. (In Russian)

6. Savkina, I. L. (2001). *Pishu sebya. Avtodorokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [I'm Depicting Myself. Auto-Documentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the 19<sup>th</sup> Century]. 360 p. Tampere, University of Tampere. (In Russian)

7. Luganskaya, E. V. (2017). *Sravnitel'nyi analiz ispol'zovaniya komicheskogo v muzhskoi i zhenskoi otsenke (na materiale angloyazychnykh pisem v redaktsiyu)* [Comparative Analysis of the Comic Element Use in Male and Female Evaluation (based on English-language letters to the editor)]. *Nauchnyj al'manah*. No. 4–2, pp. 259–262. (In Russian)

8. Bogatyreva, D. A. (2009). *Formy vyrazheniya avtorskogo prisutstviya v memuarnoi proze M. Tsvetaevoi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Forms of Expression of the Author's Presence in the Memoir Prose of M. Tsvetaeva: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 18 p. (In Russian)

9. Ledenev, A. V. (2022). *Khudozhestvennye resursy punktuatsii v proizvedeniyah V. V. Nabokova: ot yazykovogo k obraznomu znaku* [Artistic Resources of Punctuation in the Works of V. V. Nabokov: From a Linguistic to a Figurative Sign]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 81. No. 6, pp. 16–25. (In Russian)

10. Ivanchuk, I. A. (2005). *Ritoricheskii komponent v publichnom diskurse nositelei elitarnoi rechevoi kul'tury: avtoref. dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [Rhetorical Component in the Public Discourse of Representatives of Elite Speech Culture: Doctoral Thesis Abstract]. Saratov, 65 p. (In Russian)

11. Burmistrova, S. V. (2011). *Spetsifika reprezentatsii avtorskogo ya v zhenskoi memuarnoi proze* [Specifics of Representation of the Author's Self in Women's Memoir Prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11(113), pp. 19–124. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2024  
Поступила в редакцию 04.09.2024

**Семенова Александра Александровна,**  
аспирант,  
ассистент кафедры русского языка,  
Российский государственный педагогический  
университет им. А. И. Герцена,  
191186, Россия, Санкт-Петербург,  
набережная реки Мойки, 48.  
Semenova\_al\_al@mail.ru

**Semenova Aleksandra Aleksandrovna,**  
graduate student,  
Assistant Professor,  
Herzen State Pedagogical University of Russia,  
  
48 Moika Embankment,  
St. Petersburg, 191186, Russian Federation.  
Semenova\_al\_al@mail.ru